

УДК 378 (47+57): 37.014.25.001.7

Ембулаев Владимир Николаевич

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Реформирование системы образования в рамках Болонского процесса

С распадом Советского Союза в Российской Федерации приступили к реформированию системы высшего образования на основе внедрения Болонского процесса. Этот процесс предусматривает повсеместный переход на двухуровневую систему образования – бакалавриат и магистратура. Основное внимание уделялось технической стороне вступления в новый процесс обучения, забывая о необходимости контролировать качество знания. В итоге переход на стандарты Болонского процесса приводит не к прогрессу в образовательной сфере, а к потере уже имеющихся достижений, чего и добивались разработчики Болонского процесса.

Ключевые слова и словосочетания: *система образования, единый государственный экзамен (ЕГЭ), бакалавриат, магистратура, Болонский процесс.*

Бесспорно, что образование – основа успешного развития любого общества. В то же время это один из самых консервативных институтов. Развалить его сиюминутно невозможно. Здесь очень сильны традиции, передаваемые учителями из поколения в поколение. Поэтому губят образование планомерно и постепенно. Вводятся инновации. Часто таковыми называют тестирование и метод проектов. Этими «инновациями» за рубежом занимаются уже около века. Широко применялись они и в практике отечественной школы, но своевременно были справедливо осуждены.

Сегодня российское образование ориентируют на американскую общедоступную среднюю школу, которая всегда была одной из самых отсталых в мире. Ликвидированы единые государственные программы. Это лишает органы образования возможности систематически осуществлять текущий контроль знаний учащихся. И, как следствие, уровень знаний выпускников школ катастрофически падает. Редко выпускник школы поступает в вуз без помощи репетитора. В результате профессиональные качества выпускников вузов падают: из плохого сырья не получить хорошего продукта. Чтобы закамуфлировать факт значительного снижения качества знаний выпускников школ от общественности, ввели ЕГЭ – бланковое тестирование, от которого развитые страны (Япония, например) давно отказались. В статотчётах стали давать мало кому понятные средние баллы, не переводя их в привычную для россиян пятибалльную

систему. Высшее образование уже стало практически недоступным для большей части выпускников. Это значительно снижает мотивацию учебной деятельности как учащегося, так и учителя. Ликвидирован всеобщ, завоеванный кровью и потом наших отцов и дедов. Миллионы детей школьного возраста не учатся, угрожающе растёт число беспризорников. Подобное не наблюдалось даже после четырёхлетней Великой Отечественной войны. Дети в Советском Союзе всегда были элитой общества. Введение подушевой оплаты труда учителей окончательно уничтожает сельские школы, и армия безграмотной молодёжи неуклонно возрастает.

Почти забыто педагогическое наследие К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого, А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского. Сегодня нам подавай педагогику Монтессори, Штейнера и другие теории, малопримлемые на российской почве. По национальному проекту «Образование» школы подключаются к сети Интернет, приобретается компьютерная техника, а о программном обеспечении учебного процесса даже речи не идёт. Но... без учителя компьютер – всего лишь железка, а Интернет – средство связи, открывающее доступ к порносайтам и другим подобным развлечениям. Учит и воспитывает только учитель, а он поставлен в нищенские условия проживания. Нынешние реформы системы образования в Российской Федерации предусматривают только учёбу, а воспитание не допускается.

Сегодня нависла реальная опасность того, что показатель «Грамотность» населения начнёт катастрофически падать. Ведь это уже факт: сейчас в России около 6 млн беспризорных детей, более 4 млн детей школьного возраста не ходят в школу. Среди допризывников впервые появились малограмотные, и даже вовсе безграмотные. С внедрением Болонской системы образования падение рейтинга индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) примет необратимый процесс.

Под правильным провозглашением – «Повышение качества и доступности общего и профессионального образования» – нынешняя власть через думское большинство «Единая Россия» рьяно проводит реформу образования, которая ставит своей целью перевод образования на коммерческие рельсы. Реформа высшего образования в рамках Болонского процесса, которая проводится нынешним правительством России, ведёт к тому, что полноценное высшее образование смогут получить только те, кто за него платит, – на простых смертных оно распространяться не будет. Интересно, станет ли школа доступней, если за её посещение нашими детьми придётся, помимо дорогостоящих сборов в школу, платить ещё и за обучение? Очень сомнительно. Зарплаты учителей остаются нищенскими, учитель в глазах власть имущих – одно из названий бомжа и презренного человека. К тому же старые профессиональные кадры учителей потихоньку уходят в «мир иной», а заменить их некому – молодёжь

в школы не идёт. Кто же будет учить наших детей на высоком профессиональном уровне, да ещё и качественно? Власти не нужны умные люди, любящие свою Родину, – иначе их беспределу придёт конец, а значит, конец этот придёт и процветанию «новым русским». Беспрекословные рабы без мозгов в голове с примитивными рефлексам в роли «морали и нравственности», призванные ставить галочки на всевозможных выборах за продление цветущей жизни «новым русским» и топить своё «Я» в реках пива, клубах сигаретного дыма и наркотическом дурмане, – такими хочет видеть наших детей нынешняя власть России! Но желаем ли мы видеть наших детей в подобном облики? Мы обязаны сами ответить на этот вопрос своими действиями. Чтобы эти действия были правильными, мы и должны разобраться в сущности «нововведений», которые внедряются в образовательный процесс нынешними руководителями России. Одно из «нововведений» – Болонский процесс.

Сегодня Болонский процесс – один из наиболее обсуждаемых вопросов в области высшего образования в России. И это, наверное, не случайно: образование, особенно высшее, – та сфера, которая традиционно очень высоко ценилась в российском обществе. Сегодня при всём разнообразии политических, экономических взглядов, оценки приоритетов развития страны важность развития образовательной сферы не подвергается сомнению.

С тех пор как Россия присоединилась к Болонскому процессу, не утихают споры среди преподавателей, студентов, организаторов науки и образования о целесообразности вхождения России в этот процесс, о необходимости или ненужности его. Порой слышатся в печати даже голоса о том, что произошло вовсе не вхождение, а принудительное «втаскивание» нашего образования в этот процесс с целью дискредитации и разрушения лучших традиций российской высшей школы, которая досталась в наследство от советской системы образования.

К настоящему времени в России опубликовано немало работ, в которых обсуждаются различные аспекты Болонского процесса. Но, несмотря на это, многие вопросы остались. Они касаются организационных и содержательных аспектов перестройки образования, в частности следующих: как определять кредиты? как перестроить учебные планы сложившегося 5-летнего образования на 2-х ступенчатую систему? как строить учебные планы при двухступенчатой системе образования? каким должно быть содержание программ курсов, чтобы оно было сопоставимо с европейской системой образования? как не потерять национальную специфику образования и сохранить уже накопленный положительный опыт? как пересчитать кредиты студентов, полученные в других университетах? и т.п.

Проведённое анкетирование и работа на сайте МГИМО показало, что, несмотря на существующие многочисленные публикации, Болонский процесс остаётся ещё во многом «terra incognita».

В руководящих документах российского образования, в СМИ, в дискуссиях внутри университетского сообщества, где наиболее активно звучит «болонская тема», редко затрагиваются его политические измерения и, наоборот, часто преувеличивается его роль в европейской интеграции. Именно поэтому в настоящей статье в центре внимания находится не столько сам Болонский процесс, сколько различия в его понимании и реализации в странах-членах ЕС и России, уровни взаимодействия между российской системой образования и соответствующими институтами стран ЕС и США, а также те изменения европейской и российской образовательной среды, связанные с Болонским процессом, которые или играют роль вызовов для отечественной системы образования, или открывают для наших университетов новые возможности.

В начале несколько замечаний о возникновении Болонского процесса. На изначальное становление Болонского процесса повлияло стремление европейских университетов воспользоваться новыми возможностями, наступавшими с трансформацией, а затем и падением коммунистических государств в восточной части европейского континента. Документы Болонского процесса обычно открывает Великая хартия университетов Европы, подписанная в 1988 году в ходе празднования 800-летия Болонского университета (Италия). В ней, в частности, говорится: «Чтобы отвечать требованиям современного мира, в своей исследовательской и преподавательской деятельности университет должен иметь моральную и научную независимость от политической и экономической власти». Именно поэтому России нужен был закон об «Автономии учреждений», который позволял бы быть учебным заведениям независимыми «от политической и экономической власти».

Провозглашая, что «общая политика в вопросе равнозначности статуса, званий и экзаменов, уважительное отношение к национальным дипломам» гарантируется, но при этом Великая хартия университетов Европы не ставила перед подписавшими её университетами цель выработки общей политики в этом направлении. Конкретная задача взаимного признания квалификаций в сфере высшего образования была отчасти решена странами Европы подписанием в 1997 году государствами-членами Совета Европы, США и Канадой Лиссабонской конвенции (вступила в силу для России с 1 июня 2000 г., а вот США и Канадой не ратифицирована до сих пор. Не догадываетесь почему?).

С 1998 года вначале как внутреннее дело объединённой Европы в рамках становления политики по интенсификации экономического роста и повышению конкурентоспособности ЕС (с 2000 года известной как

Лиссабонская стратегия) стал формироваться и Болонский процесс. Он был инициирован Парижской (Сорбонской) декларацией министров образования четырёх наиболее развитых в области высшего образования европейских государств – Великобритании, Германии, Италии и Франции (май 1998 г.). Министры, возглавляющие четыре значительно различающихся друг от друга национальные образовательные системы, видели суть начатого процесса в «гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования». Однако реальных действий по «гармонизации архитектуры» образования в собственных странах они не спешат совершать до сих пор, но почему-то очень усердно подталкивают к этому Россию и другие страны Восточной Европы. Почему? – вопрос для размышления.

Болонская декларация от июня 1999 г., которая узаконила понятие «Европейское пространство высшего образования», фактически вывела начавшийся процесс за рамки ЕС, открыв его для присоединения не только стран-кандидатов в ЕС, но и для стран Европейской зоны свободной торговли. Болонская декларация видела участниками процесса не только национальные и международные институты, но и ассоциации университетов, ректоров и студентов.

Берлинская встреча министров образования в сентябре 2003 г. ознаменовалась, во-первых, присоединением к Болонскому процессу России и, во-вторых, значительно расширила рамки понятия «высшее образование», включив в него аспирантуру. Список «болонских целей» состоит из шести пунктов, принятый 19 июня 1999 г.: 1) чёткая сопоставимость степеней и дипломов; 2) двухуровневая система высшего образования; 3) накопление и трансфер кредитов; 4) мобильность преподавателей и студентов; 5) критерии и методы оценки качества образования; 6) единый европейский подход к содержанию образования), фактически пополнился новыми требованиями – к менеджменту вузов и к научно-исследовательской деятельности вузов, составившей новое общеевропейское «пространство».

В 2003 – 2005 гг. продолжались работы по рассмотрению Болонского процесса как дальнейшего освоение пакета инициатив высшего уровня, нацеленных на создание общего европейского пространства высшего образования и исследований. При этом отметили, что аспирантура в большинстве стран должна соответствовать трём-четырёх полным годам обучения, и аспирантские программы должны внедрять междисциплинарные методы и к аспирантам подходить как к учащимся и как к «исследователям ранней ступени». Всё это означает, что в Болонском процессе аспирантура уже не будет являться продолжением обучения в научно-исследовательской сфере после окончания вуза. Принятие этой составляющей высшего образования в Бергене в марте 2005 г. связано с тем, что

к этому времени, кроме России, в Болонский процесс вступили Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия и Украина – все бывшие страны единого государства с единой системой образования. Таким образом, Болонский процесс направлен против существующего университетского образования в постсоветских странах и ведёт к разрушению в них советской системы образования. Получается, что инициаторы Болонского процесса разрабатывают различные документы, которые должны внедрять у себя те страны, которые свернули с социалистического пути развития на путь реставрации капитализма в своих странах. А это означает, что постсоциалистические государства, в том числе и Россия, проводят реформу образования в своих странах под диктовку Запада.

С официальным вхождением России в Болонский процесс в отечественном образовании активизировались управленческие структуры и связанные с ними на персональном уровне вузы (тогдашний министр образования Владимир Филиппов). Наиболее активно участвует во внедрении Болонского процесса высший административный уровень российского образования. Сформировался определённый «должностной» круг, состав которого меняется вместе с реформами и кадровыми перестановками в российском образовании, выделились представители ректорского корпуса, выступающие сторонниками отдельных мероприятий болонского пакета. Министр науки и образования Андрей Фурсенко, далёкий от вузовского преподавания, судя по его высказываниям и действиям, видел во внедрении Болонского процесса основную цель – формирование не человека-творца, а человека-потребителя: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других». Именно поэтому руководство Федерального агентства по образованию Болонский процесс повело по пути повсеместного перехода на систему «бакалавр-магистр» в её сложившемся варианте и введения балльно-рейтинговой оценки знаний студентов. «Сменщик» министра науки и образования Дмитрий Ливанов явно готов продолжить дело предшественника.

Осознание сути Болонского процесса российским университетским сообществом пока находится на довольно низком уровне. Напряжённое ожидание приказа свыше о переходе на двухуровневое обучение и систему академических кредитов длительное время оставалось главной сутью «болонских ожиданий» российского преподавательского корпуса последних трёх-четырёх лет. Что касается студенчества, то большинство питает глубокое равнодушие к непонятным и далёким от них материям. Даже вопрос о бакалавриате и магистратуре не принадлежит к числу обсуждаемых в студенческой среде. Как правило, выпускники бакалавриата на-

ходят при помощи факультетской администрации или внебюджетного обучения в соседнем вузе возможность получить «полноценный» диплом специалиста, а выпускники магистратуры не находят на рынке труда ни на периферии, ни даже в Москве повышенного спроса на их степень и по преимуществу выбирают аспирантуру, пока она ещё существует. Отсутствие гласности и должной экспертизы при подписании Россией Болонской декларации вынудило заниматься её внедрением командно-административными методами при формировании образования, отсюда – непонимание на местах, отсутствие заинтересованности. Всё это говорит о том, что Болонский процесс на российской почве пока не реализуется в мере, достаточной для достижения его основных ориентиров к 2012 году.

Приходится констатировать, что, увлекаясь технической стороной вступления в Болонский процесс (внедрение кредитно-рейтинговой оценки знаний студентов и двухступенчатой – бакалавр-магистр – системы образования), многие российские вузы забывают о необходимости контролировать качество образования. В итоге переход на стандарты Болонского процесса приводит не к прогрессу в образовательной сфере, а к потере уже имеющихся достижений.

Для традиционной российской школы образование – это способ трансляции знаний, умений и навыков от одного поколения к другому. И главное не просто передать знания от обучающихся к обучаемым, а сформировать творческую личность, которая испытывает постоянную потребность в самосовершенствовании и получении новых знаний. В таком случае контроль качества образования – это гарантия того, что знания и опыт, накопленные в обществе, будут переданы подрастающему поколению в полном объёме. И такой подход, как показала советская система образования, требует общегосударственной единой системы обучения. Однако, присоединившись к «Болонскому процессу», Россия взяла на себя обязательства соответствовать европейским стандартам и принципам в сфере высшего образования, уничтожая ту систему образования, которая сделала Советский Союз самой образованной и читающей страной в мире. Советская система образования строилась на двух принципах. Первый принцип – фундаментальность, интеграция науки и образования. Второй принцип – опора на научные школы. Болонское соглашение разрушает оба эти принципа.

Западная система переучивания бакалавров на магистров очень дорога и её нельзя будет применить в РФ в массовом порядке (сократится кадровый резерв прогресса). В условиях «болонской системы» происходит обезличивание отношений «преподаватель – студент», а глубокие мысли как раз и появляются только в дискуссиях.

Как и в других сферах социальной жизни, глобализация и модернизация бросают вызов российской системе образования. Неопределённость и

противоречивость процессов реформирования российской системы образования во многом определяются нерешённостью вопросов о путях модернизации страны и общественного выбора. На самом деле задача реформирования образования не сводится к присоединению или неприсоединению к Болонскому процессу. Прежде всего, речь идёт о смене прежней, т.е. советской, модели обучения и контроля качества знаний выпускника, которые сводились к репродуктивному воспроизведению информации.

Главное отличие вводимой в России двухступенчатой системы от многих других европейских стран состоит в том, что у нас обучение предусматривается по 6-летней программе (4 года – бакалавр и 2 года – магистр) и тем самым добавляется лишний год, по сравнению со старой, советской системой. В то же время в большинстве стран Европы (Великобритания, Италия) обучение строится по системе 3+2, в других странах, в том числе и в Германии, по системе 4+1, но всё равно общая продолжительность составляет 5 лет. Согласно Болонскому процессу обучение на степень бакалавра может проводиться 3 – 4 года, обучение на степень магистра – 1 – 2 года, при этом общая продолжительность обучения по двум степеням должна составлять не более 5 лет. В советской системе высшего образования тоже первые четыре года отводились изучению дисциплин, а пятый курс был посвящён преимущественно написанию дипломной работы. И тут возникает вопрос: почему вопреки Болонскому процессу российское руководство добавило лишний год, который система 4+2 заставляет тратить российских студентов на двухступенчатое обучение, в то время как по советской системе другими странами-участниками Болонского процесса, где используются системы обучения 3+2 или 4+1, тратится 5 лет?

Процессы глобализации, развитие международных хозяйственных связей остро обозначили к концу 90-х годов прошлого века серьёзное противоречие между уровнем экономики, основанной на новейших технологиях, и уровнем национальных систем подготовки кадров, особенно в структуре высшего образования. На предмет внедрения Болонской системы образования австрийская исследовательница Д. Шнайдер пишет, что «достоинства европейского высшего образования заключаются в разнообразии взрастивших его культур. Попытки привести их к некоторому общему знаменателю несут угрозу существованию этого культурного многообразия и могут превратить европейские государства в колонии некоей призрачной империи». Под «некой империей» в данном случае Д. Шнайдер подразумевает, естественно, Соединённые Штаты. Именно в американизации европейского высшего образования противники Болонского соглашения усматривают его основной порок, пытаясь противопоставить академический подход к решению проблем университета рыночному, свойственному американской системе высшего образования.

Надо признать, что, несмотря на многочисленные проблемы национального и глобального характера, США обладают сегодня не только самой мощной в мире военной, экономической, но и образовательной (особенно в области высшего профессионального образования) системами. Это объясняется тем, что ВВП США превосходит суммарный ВВП всех стран Евросоюза. И при этом на развитие системы образования США тратит 2,6% ВВП, в то время как в Евросоюзе – 1,2%.

И, тем не менее, американская система образования, как и любая система образования в капиталистических странах, не позволяет в массовом количестве готовить собственных учёных мирового значения. Однако высокая концентрация финансовых ресурсов позволяет американцам «скупать» таланты в области образования со всего мира. А это привело к тому, что в их университетах сегодня работает около 80% всех учёных, удостоенных Нобелевской премии, что позволило США занять видные позиции в научном мире и контролировать почти 30% мирового образовательного рынка. Их ближайшие конкуренты (Англия, Германия и Франция) имеют 13, 10 и 9% соответственно.

«Скупленные» таланты со всего мира создали имидж мирового уровня для университетов США, что подтверждается данными всех международных рейтингов. Так, из 100 лучших университетов в мире 75 являются американскими, а из 10 самых лучших – 7 находятся в США. Следовательно, для многих создание университетов мирового класса ассоциируется, прежде всего, с американским университетом. Именно поэтому Болонский процесс основан на системе высшего образования американского характера.

Для США такое оказалось возможным лишь потому, что за последние пятьдесят лет на огромном мировом пространстве хозяйничала их национальная валюта – доллар. Именно через него американцы перекачивали к себе гигантские финансовые ресурсы со всего мира. Но в конце 2008 г. гигантский финансовый пузырь, который американцы надували почти полвека, лопнул, и разразился мировой финансовый кризис. Сегодня США пытаются любым способом сохранить прошлую систему грабежа остального мира, спасти созданные ими финансовые пирамиды, которые по-прежнему позволяли бы им жить припеваючи, почти ничего не производя, но покупая всё и вся, в том числе и интеллектуальный потенциал человечества. Однако надо полагать, что мировой финансовый кризис приведёт к некоторым изменениям и в существующей системе высшего образования США.

Пока система высшего образования США охватывает более 3 600 учебных заведений, но сердцевину этой системы составляют всего 250 крупных исследовательских университетов, обеспечивающих подготовку специалистов на трёх уровнях (бакалавр, магистр, доктор) и ведущих широкую научную деятельность. Все остальные университеты и колледжи (в том числе 1,5 тысяч

двухгодичных) проводят обучение только студентов. Заметим, что в странах ЕС сейчас работают около 2 тысяч университетов, и практически все они проводят научные исследования и присуждают докторские степени.

В самые первые годы «холодной войны» аналитики президента Г. Трумэна, просчитывая стратегию своей страны, пришли к выводу, что наиболее экономичный способ распространения влияния США в мире – это обучение иностранных студентов. Сегодня США продолжают мировую политику расширения контингента обучающихся в американских школах для подтверждения высокого статуса своего образования. США привлекают иностранных студентов для обучения в своих колледжах и университетах, и способствуют в организации стажировок американских студентов за рубежом через разветвлённую сеть международных фондов и программ (Fulbright, IREX, Muskie, Ford Foundation). Государство также выделяет огромные средства на эти цели.

После развала Советского Союза США стали принимать у себя почти 30% всех студентов мира, причём самых талантливых, стремящихся получить высшее образование за границей. В общей студенческой массе в США доля иностранцев составляет по разным данным до 20%, а средняя численность иностранных студентов в ведущих американских вузах достигает 10 – 20% от общего числа обучающихся. Только за счёт обучения зарубежных студентов американская экономика получает более 12 млрд долл. в год. При этом не стоит забывать о том, что половина из иностранных докторантов, обучающихся в США, «скупаются» и остаются работать в этой стране после завершения учёбы (в точных науках эта цифра вырастает до 70%).

Американская система образования оказалась в полтора раза эффективней и рентабельнее европейской, хотя Европа по численности превосходит Америку в полтора раза. Именно это вынудило Европу начать разработку нового интеграционного проекта, выстраивая единое образовательное пространство и единый рынок труда, с тем чтобы обеспечить в итоге конкурентоспособность своей экономики, своей системы образования. Таким интеграционным проектом стал Болонский процесс – чисто европейский проект, направленный на создание зоны европейского высшего образования в интересах развития европейской экономики и процветания граждан Европы.

Ни в одном из документов Болонского процесса ничего не говорится о месте России в этом процессе.

Основные цели Болонского процесса чётко определены. Это обеспечение конкурентоспособности, привлекательности, рентабельности европейского образования.

Расшифруем подробнее, что под этим подразумевается.

Во-первых, европейская система образования должна быть конкурентоспособной по отношению к американской, иначе европейской экономике не выдержать конкуренции с экономикой США – сейчас всё решает уровень образования и науки.

Далее – европейское образование хочет быть привлекательным и привлечь в Европу как можно больше талантливой молодежи. Здесь между строк подразумевается Россия. Стареющая Европа задыхается без нового пополнения, и она с удовольствием приняла бы молодых и талантливых людей из Восточной Европы и России в свои университеты, чтобы они затем влились в европейскую экономику.

Таким образом, на роль донора Россия для Болонского процесса вполне подходит. Значит, когда говорят, что Россия вступила в Болонский процесс, надо понимать, что она согласилась помогать Европе строить конкурентоспособную с американской европейскую систему образования в роли поставщика своих лучших молодых мозгов, а также согласна инвестировать развитие европейских университетов.

В этом случае становится понятным, что для обеспечения наибольшего объёма такой помощи (переливания в Европу российского серого вещества) нужно унифицировать структуру и формат обучения, чтобы не возникало никаких преград для студенческой мобильности с Востока на Запад (и для мобильности «некондиции» в обратном направлении).

Иначе говоря, вырисовывается следующая картина: стоит и красуется американский небоскрёб науки и образования, Европа спешно строит свой дворец знаний, который должен не уступать американскому, а Россия старается почему-то угодить бедной Европе, помогать ей в строительстве, отдавая свой лучший строительный материал даром, при этом разбирая по кирпичику собственные университеты, уничтожая накопленный ими задел знаний для подготовки добротных специалистов, чтобы потом принять недоученных в Европе наших же бакалавров.

Разве в наших интересах объединяться с Европой против США и быть донором для европейской системы образования? Европейских товаров на российских рынках 70–80%. Кто кому конкурент?

Конечно, возможно возражение. Что, мол, это просто сгущение красок. Что наши правители и не думают строить европейский дворец знаний, а хотят построить наш собственный по образцу и подобию европейскому.

Предположим. Но...

Во-первых, кто начинает обновлять сложную систему с разрушения её добротно работающих функций? Построй вначале что-то лучшее, а затем и заменяй. Тем более в образовании и науке, где всё хорошее быстро не делается.

Во-вторых, где концепция и план какого-либо строительства, где соответствующие проекты, расчёты, обоснования, программы? Ведь начи-

нают чиновники не с бизнес-планов, а с обрушения огромного научно-методического достояния национальной высшей школы, которое позволило нашим учёным первыми укротить атом, поднять в космос корабли, создать систему противоракетной обороны. Уже говорилось, что за последние двадцать лет весь мир с большим удовольствием заглотал сотни тысяч наших учёных и специалистов, подготовленных этой системой и выданных из страны её радетелями. Причём заглотал и ещё хочет. Сейчас российские университеты захлестнуты волнами рекламных акций с Запада и Востока, зазывающих выпускников наших университетов для продолжения учёбы в заграничных университетах по магистерским и докторским программам.

Ещё раз вернёмся к Болонскому процессу. Его можно рассматривать на двух уровнях – на декларативном и на конструктивном, т.е. как реально реализуемый проект.

На декларативном уровне Болонская декларация – это ни к чему не обязывающее соглашение о намерениях стремиться к сопоставимости европейских дипломов о высшем образовании. В качестве желаемых механизмов достижения этих целей называются уровневая подготовка, кредитная система оценки учебной нагрузки, совместимая система оценки качества образования, единое Европейское приложение к диплому и пр.

Последняя вещь представляет собой по сути некоторый вкладыш в диплом, подготовленный университетами, где в некотором унифицированном виде даётся информация о результатах обучения выпускника, например: сведения, какое он учебное заведение окончил, по какой форме обучался, название программы, названия пройденных дисциплин, учебная нагрузка по дисциплинам или модулям и пр.

Другими словами, чтобы дружить с Европой в сфере образования, совсем не обязательно крушить своё, десятилетиями нажитое, а достаточно обойтись одним типовым аналогом вкладыша в диплом. И всю Европу это вполне бы устроило.

Сама Болонская декларация 1999 г. представляет собой настолько мирный документ, что его можно в психлечебницах использовать вместо успокаивающего. С какой же больной головой надо было его прочитать российскому госчиновнику, чтобы в такой резкой форме у него обострились садо-мазохистские наклонности! В результате мы получили закон о реформировании национальной системы высшего образования, вводящий в России двухуровневую систему – бакалавриат и магистратуру.

Чем плох закон, который допускал бы обе модели обучения – монолитную (специалитет) и уровневую (бакалавр – магистр), причём по выбору вуза? Он предусматривал бы как возможность сохранения специалитета, так и возможность гладкого перехода от специальностей к направ-

лениям там, где это было разумно (по усмотрению вузов). И надо сказать, что он не противоречил Болонскому процессу.

Чиновники, оправдываясь, говорят, что новый закон тоже достаточно лоялен по отношению к подготовке специалистов, допуская такую форму обучения по усмотрению (надо же!) Правительства РФ. По сути же принятый закон о реформировании системы высшего образования есть не что иное, как силовое выдавливание специалитета из российского образовательного поля. Никакой уважающий себя ректор или декан не будут терять свое время и унижаться хождениями по высшим эшелонам российской бюрократии и некомпетентности. В своё-то министерство последние три-пять лет было ходить бесполезно.

Множество спецкурсов и спецсеминаров для подготовки специалистов и огромный человеческий труд, затраченный на создание всего этого, при резком переходе к бакалавриату в основном будут обречены, причём неактуальность этого моря знаний никем не доказана.

Бакалавриат – это принципиально другой вид образования, с акцентированным прагматическим уклоном. Магистратура – также существенно отличается от специалитета, да и магистров будет в несколько раз меньше, чем специалистов.

Во имя чего нужно было наносить ущерб и без того находящимся на грани выживания российским вузам, их преподавательским кадрам?

Интересно, а как реализуется Болонский процесс на практике? В настоящее время Болонский процесс стал некоторым зонтиком, под которым забурлили другие поддерживающие его процессы и программы. К наиболее крупным из них можно отнести такие процессы, как «Электронная Болонья», «Повышение роли ИКТ в образовании», «Обучение на протяжении всей жизни» (Lifelong Open and Flexible Learning, LOF) и пр. Причём это не лозунги, а серьёзно финансируемые программы, в частности известно, что на реализацию текущих задач последней темы в прошлом году Евросоюзом было выделено 40 млрд евро. Порядок финансирования других процессов примерно такой же.

Эти средства значительно подкрепляются финансированием национальных программ, реализуемых в рамках национальных стратегий построения общества знаний (все страны Европы имеют такие стратегии – российским госчиновникам двух десятилетий не хватило, чтобы до такого додуматься). Например, в последние годы Финляндия реализовала ряд проектов, направленных на обеспечение каждого жителя Суоми доступом к электронной почте и Интернету, на создание виртуальных национальных образовательных ресурсов (Виртуального национального университета, Виртуальной национальной школы, Виртуальной национальной библиотеки), на развёртывание системы малого бизнеса в области образовательных услуг и пр.

Темпы реализации всех этих процессов и программ столь высоки, что в течение нескольких лет сформировалась мощная индустрия образовательных контентов. Исследователь этих процессов профессор В.П. Тихомиров отмечает следующие достигнутые европейцами результаты: почти стопроцентное оснащение европейских университетов электронным образовательным контентом, повсеместное использование интегрированных сред электронного обучения, массовое производство технологически сложных образовательных ресурсов, ориентированных на совершенно новую парадигму обучения. Также большая работа идёт в многочисленных консорциумах по стандартизации объёмов профессиональных знаний по различным направлениям подготовки, педагогических стратегий обучения, программ учебных курсов. Соответствующие комитеты организаций стандартизации ведут комплексную работу над созданием новых стандартов на интерфейсы открытых сред поддержки образовательных процессов, на представление и компоновку электронных курсов, наборы параметров оценки качества результатов обучения, средства защищённости образовательных процессов и пр.

Во всей этой деятельности нет даже минимального участия России, поэтому никаких ценных приобретений для российского образования там не найти. Назревает реальная опасность того, что мы скоро потеряем ориентиры в понятийном пространстве формируемого современного образования.

Вот и получается, что госчиновники палец о палец не ударили, чтобы реально войти в Болонский процесс. Они просто проэксплуатировали его идеи как догму, чтобы опустить российское образование, имитируя деятельность бумаготворчеством вокруг технических, второстепенных для образования вопросов. В советские времена такую деятельность могли назвать очковтирательством.

Чем для России является система образования? Для оценки и сравнения экономик государств, их социальной эффективности используется индекс развития человеческого потенциала. Главными составляющими этого индекса являются ожидаемая продолжительность предстоящей жизни; реальный душевой валовой внутренний продукт (ВВП) или, другими словами, материальный достаток и уровень образованности населения. Вместе они показывают три основных качества социального развития стран, а именно: здоровье людей, в частности долголетие населения, материальный достаток, уровень образования.

По этому индексу Россия в 2010 году занимала 72-е место в мире! По первым составляющим она позиционировалась на местах, стоящих далеко за сотню. А уровень образования оценивался достаточно высоко – 15-е место.

Так вот образование осталось единственным столпом, на котором ещё держится Российское государство. И этот столп сегодня пытаются порушить.

Кто поверит, что делается всё это только по чиновничьей глупости.

Итак, вывод о внедрении Болонской системы в образовательный процесс может быть только один: целенаправленно наносится удар по национальной образовательной системе, снижается массовый уровень профессиональной подготовки, уничтожается накопленное, проверенное практикой бесценное учебно-методическое богатство российской высшей школы.

Что же самое важное в образовании? Если рассматривать образование, прежде всего, как технологию передачи знаний, самым существенным в этой технологии являются эти самые знания, которые передаются системой образования учащимся, да и способы такой передачи – от их эффективности также многое зависит.

Можно ли на основе анализа содержания обучения обеспечить сотрудничество между системами образования с разными моделями обучения без структурной ломки одной из систем?

Более конкретно. Если бы мы, например, сохранили смешанную систему обучения, т.е. допускающую обе модели обучения, но с превалированием специалитета, то действительно ли это привело бы к нашей изоляции от Болонского процесса и всего мира?

Конечно же, нет.

Теперь немного о кредитно-модульной системе. Насколько целесообразно внедрение кредитно-модульной системы оценки трудоёмкости учебной работы, никто серьёзно не анализировал и не доказывал. Опыт показывает, что такая система себя оправдывает там, где она, во-первых, традиционна и, во-вторых, где развит образовательный менеджмент, а университеты при этом имеют большую самостоятельность в разработке новых учебных программ.

В условиях России пользы от внедрения чужеродной системы пока не видно, одни издержки. Единственным аргументом перевода на неё российского образования представляется благозвучие для чиновничьего уха самой терминологии. Звучит это как-то по-научному: «кредитно-модульный подход» – можно выдать за что-то инновационное в образовании (и, естественно, вырвать денежный кусок на его реализацию). А если сюда добавить ещё не менее загадочное «компетентностный подход», то полный успех чиновнику обеспечен. Таким благозвучием можно любому обывателю мозги прополоскать по высшему разряду. Люди даже и не подумают, что содержание обучения от этого никак не изменится, по крайней мере, в лучшую сторону.

Это означает, что наши вузы идут к бессодержательному образованию!

Если внимательно изучить проект нового закона «Об образовании», представленный правительством, то нетрудно отметить, что это есть американская копия того самого закона, который США прошли ещё в 70 – 80-х гг. прошлого века. Но он, как известно, привёл американскую систему образования к полному краху, о чём доложил Билл Гейтс на Конгрессе американских губернаторов по вопросам образования ещё в 2005 году. Но если это так, тогда возникает вопрос: зачем советники-американцы навязывают России, а наши чиновники беспрекословно приступают к реализации заведомо тупикового пути при реформировании национальной системы образования?

Болонский процесс: проблемы и перспективы: сб. стат. / под ред. М.М. Лебедевой. – М.: «Оргсервис-2000», 2006. – 208 с.

Ембулаев В.Н. Политический аспект реформ в системе образования Российской Федерации / В.Н. Ембулаев // Вестн. ВГУЭС «Территория новых возможностей: проблемы, мнения, дискуссии, события». – 2011. – №1(10). – С. 130 – 137.

Комков С. «Преступная "карусель" ЕГЭ» / С. Комков // Правда, 18 – 21 июля 2008 г.

Комков С. «Приехали...» / С. Комков // Правда, 19 – 22 октября 2007 г.

Комков С. «Метаморфозы ЕГЭ» / С. Комков // Правда, 20 – 21 мая 2008 г.

Сухомлин В. «Пустое множество» / В. Сухомлин // Советская Россия, приложение к ней «Отечественные записки». – 2008. – №6(152).